

ОСИНИНА Дарья Дмитриевна – аспирант департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; DDOsinina@fa.ru)

О ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье анализируется становление политических институтов Республики Казахстан в постсоветский период. Автор выделяет наличие формальных и неформальных институтов власти, опираясь на подход Д. Норта к понятию «институт». В статье подчеркивается, что становление политических институтов проходило на фоне поиска национальной и аппаратно-государственной идентичности «молодых» независимых республик, что существенно повлияло на этот процесс.

Ключевые слова: Республика Казахстан, политические институты, политическая власть, жузы, кланы

С распадом Советского Союза на мировой карте появилось 15 новых государств, перед каждым из которых стояла задача поиска государственной идентичности, формирования политических, экономических и социальных институтов. Анализируя процессы тридцатилетней давности, можно выделить несколько макрорегионов на постсоветском пространстве, выбравших общую модель развития и прошедших схожий процесс становления государственности в постсоветский период, например прибалтийские, закавказские и центральноазиатские республики. К числу последних относится Республика Казахстан, становление политических институтов в которой и является объектом исследования в данной статье.

Обращаясь к понятию «институт», нужно сразу отметить, что единого определения для него не существует. В рамках данной работы мы будем опираться на неинституциональный подход к анализу политических и экономических процессов, который сформировался в 70-е гг. прошлого столетия. При этом и в рамках неинституционального подхода единое определение понятия «институт» отсутствует. Напротив, можно выделить две ключевые традиции – институт как норма (Л. Тевено, А. Турен) и институт как совокупность правил (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон) [Красильников 2004]. И если первая традиция позволяет дать формально-правовые характеристики политического процесса, то вторая отражает взаимодействие формальных норм и неформальных «правил игры». Итак, согласно Д. Норту, «институты – это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие» [Норт 1997]. Соответственно, институты в этом понимании формируют власть, а также влияют на предпочтения акторов [Levi 1990: 409]. И наоборот, предпочтения акторов определяют неизменность институтов: «политические институты сохраняют стабильность, если их поддерживают организации, заинтересованные в их неизменности» [Норт 1997].

Возвращаясь к Казахстану, необходимо проанализировать, какова была конъюнктура, на фоне которой шло становление политических институтов нового суверенного государства.

Во-первых, в совокупности процессов, приведших к распаду СССР (среди которых выделяются социальные, экономические, общественно-политические), ключевую роль сыграл идеологический фактор, а именно кризис коммунистической идеологии, проявившийся сначала в рядах элиты и затем – у

населения в середине 1970-х – начале 1980-х гг. Так, к началу 1970-х гг. внутри КПСС выделилось четыре течения – консерваторы, либералы, сталинисты и «почвенники», каждое из которых имело своих сторонников в Политбюро, а главное – свое видение развития государства: от ужесточения политического режима и возврата к сталинским методам управления до реформирования советской системы [Осинина 2020]. В итоге, отсутствие общей позиции относительно будущего государства, личные амбиции республиканских элит вкупе с позицией властей РСФСР, продвигавших идею российского суверенитета, сыграло особую роль в «декоммунизации» Советского Союза. В условиях кризиса коммунистической идеологии бывшие союзные республики встали перед проблемой поиска собственной национальной и аппаратно-государственной идентичности. Учитывая национальный подъем, охвативший все советские республики в 1986–1991 гг.¹, выбор был сделан в пользу укрепления «титульного» компонента и построения «государства-нации» [Хрусталева 2005]. Так, в преамбуле к Конституции РК 1993 г. было прописано, что Казахстан является «формой государственности самоопределившейся казахской нации»². После завершения первого этапа построения государственности – «консолидации титульных этносов» – подобные этнократические формулировки были исключены из Конституции. Формулировка «самоопределившаяся казахская нация» в новой Конституции 1995 г. была заменена на «мы, народ Казахстана»³. Однако в политической плоскости с 1991 г. и по сей день национальный фактор играет особую роль. За три десятилетия существования независимого Казахстана национальный состав управленческой элиты кардинально поменялся – на смену представителям нетитульной нации пришли этнические казахи. До января 2022 г. последним «русским» представителем в составе политического истеблишмента РК, занимавшим топовую позицию, был С.А. Терещенко (премьер-министр РК с октября 1991 г. по октябрь 1994 г.). В 2022 г. ситуация несколько меняется – в новом правительстве пост вице-премьера занял Роман Скляр. Тем не менее пока это назначение выглядит скорее как исключение и на выстроенную систему никак не влияет.

Во-вторых, национальный подъем периода перестройки активизировал деятельность традиционных структур общества, коими в Казахстане являются жузы. Основанные первоначально по родоплеменному принципу, со временем они в большей степени стали отражать территориальную привязку акторов. Так, представители Старшего жуза расположились на юге страны, Средний жуз охватывает центральную и северную части Казахстана, представители Младшего жуза проживают на западе страны. При этом на протяжении столетий за жузами была закреплена спецификация их деятельности: в предпринимательской сфере доминировал Старший жуз, благодаря своему ареалу проживания, близости к экономическим среднеазиатским центрам – Бухаре и Хиве, а в управленческой – Средний. Кадровая политика Москвы в советский период внутрижузовые расклады учитывала, и вплоть до середины прошлого столетия в управленческой сфере доминировал Средний жуз, чему также способствовало его территориальное расположение, а именно близость к РСФСР. Ситуация меняется после смерти И.В. Сталина в 1953 г., когда перестраивается система государственного управления, намечается определенная децентрализация в управлении республиками, трансформируется кадровая политика центра по отношению к союз-

¹ Национальные движения периода перестройки. Доступ: https://w.histrf.ru/articles/article/show/natsionalnyie_dvizhieniia_pierioda_pieriestroiki (проверено 05.03.2022).

² Конституция Республики Казахстан. Доступ: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (проверено 05.03.2022).

³ Там же.

ным республикам. В итоге в 1960 г. Казахскую ССР возглавил Д. Кунаев, друг Л.И. Брежнева, представитель Старшего жуза. С этого времени и по сегодняшний день в политической системе Казахстана доминирует Старший жуз, к которому относятся и Н.А. Назарбаев, и К.-Ж. Токаев¹.

Конечно, отношение к жузам в казахском обществе и среди элиты за последние годы менялось. Например, советская власть наличие традиционных структур в лице жузов признавала, что доказывается принципами кадровой политики центра в отношении Казахской ССР, но публично о них никто не говорил [Осинина 2020]. В качестве самоидентификации населения СССР использовался единый для всей страны конструкт – советский гражданин. Напротив, в позднесоветский период на фоне роста национально-демократического фактора традиционные структуры, равно как и вопрос этнической принадлежности, стали играть важную роль в политическом процессе Казахстана. Пришедший на волне так называемого национального возрождения при активном содействии представителей Старшего жуза Н.А. Назарбаев традиционные аспекты поддерживал вплоть до конца 1990-х гг. В нулевых годах тема жузов уходит на второй план, что связано как с общемировым процессом вестернизации, главным объектом которой является современное поколение, так и с политической составляющей – педалировать тему доминирования Старшего жуза в политическом истеблишменте стало невыгодно. В то же время современный внутриэлитный расклад в Казахстане все же демонстрирует влияние трайбалистского фактора и традиционных институтов власти на политическую систему страны, а также на механизмы рекрутирования элиты. Более 50% управленческой элиты республики приходится на Старший жуз, причем четверть из них до января 2022 г. состояла из представителей рода шапрашты².

В-третьих, становление новых независимых государств требовало общественной солидарности, которая позволила бы сплотить воедино триаду «государственные институты – нация – территория». С этой целью политический истеблишмент Республики Казахстан обратился к «символическим ресурсам этнического прошлого региона» [Шукуралиева 2014]. Начавшаяся реинтерпретация истории возродила к жизни мифологические концепты о происхождении Казахстана и его титульного этноса. Историки и писатели начали апеллировать к так называемому золотому веку развития региона, причем историография каждой из республик возрождала отдельные эпизоды в соответствии со своей «национальной легитимирующей формулой». Интересно, что ключевое значение придавалось не отдельным историческим фактам или персонажам, а обоснованию существования общих корней [Smith 2009: 61-64].

Таким образом, политическая мифология, взятая на вооружение, была направлена на обоснование коренного характера предков титульного этноса и их права на занимаемую территорию. Среди примеров можно привести исследователя Торегали Казиева и его работы «Триумф Казахии», «Во главе Великой Сарматии» и «Тюркская праистория человечества». Согласно его подходу, только после распада СССР Казахстан наконец-то смог исследовать историю своей земли и народа, предки которого встречаются в древнегреческих источниках (из книги «Триумф Казахии») ³. В своих работах Т. Казиев проводит парал-

¹ Д. Ашимбаев: Каждый второй высокопоставленный из Старшего жуза, каждый десятый – шапрашты. Доступ: <https://ia-centr.ru/experts/marsel-khamitov/d-ashimbaev-kazhdyy-vtoroy-vysokopostavlennyy-iz-starshego-zhuza-kazhdyy-desyatyy-shaprashty/> (проверено 03.03.2022).

² Там же.

³ Древние предки казахов, известные в мире как божества и титаны. Доступ: <https://adyrna.kz/ru/post/97787> (проверено 14.02.2022).

лели между древнегреческими богами и казахскими героями, например, между Посейдоном и Тогымом, резюмируя, что «древние предки казахов известны в мире как божества и титаны».

Согласно еще одной концепции, предками современных казахов были автохтоны (саки и массагеты) из железного века, за родство с которыми также борются таджики, туркмены, киргизы и узбеки [Шукуралиева 2014]. Для популяризации данной концепции в качестве национального символа был выбран сакский воин Иссыйский золотой человек, чье изображение было помещено на штандарте президента в период 1995–2012 гг., на почтовых марках и т.д. [Шукуралиева 2014].

Соответственно, суть деятельности историков и писателей Казахстана в постсоветский период — это переосмысление истории Степи, обоснование духовных достижений нации и длительного периода государственности, что, с одной стороны, связано с необходимостью легитимации национального государства, а с другой — с формированием чувства гордости, которую должен испытывать каждый гражданин Казахстана. Учитывая, что в советский период казахи являлись гражданами одного из двух наиболее могущественных государств мира, задача историков, культурологов, писателей заключалась в поиске «равнозначного» аналога найденного в прошлом этноса. Более того, подобная политика в 2017 г. стала частью программы «Рухани жаңғыру», разработанной на основе статьи первого президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания»¹.

Анализируя политический смысл мифологизации строительства национального государства, можно отметить, что изначально это являлось частью общего процесса поиска национальной идентичности и обоснования истоков собственной государственности. Это было стратегически важно на фоне достаточно высокого уровня поддержки Советского Союза, которую продемонстрировал Всесоюзный референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г. (в поддержку Советского Союза высказались более 76% населения при явке в 79,5%)². Причем в Казахской ССР уровень поддержки значительно превышал средний показатель по Союзу — 94,1%. Поэтому на смену советской гражданственности власти нового суверенного государства продвигали идею принадлежности к титульной этнической группе — казахам. Однако впоследствии поиск сакральных основ казахской культуры приобрел новый политический смысл, став частью формирования особого статуса главы государства, что можно объяснить с позиции мифологической концепции власти Л. Дюги. Согласно данной концепции, фигура правителя обожествляется, т.е. он объявляется потомком божества или даже божеством. Подобные формулировки придают легитимность правителю. Разумеется, в современном Казахстане подобных формулировок в чистом виде нет. Само государство находится на значительно более высоком уровне развития, претендуя на статус региональной державы и второй экономики на постсоветском пространстве. Однако патернализм как социально-политическая практика свойственен политической системе Казахстана, что подчеркивается наличием статуса Отца / Лидера нации (Елбасы), конституционно закрепленного за первым президентом РК Н.А. Назарбаевым в 2010 г.³ Все это воспроизводит взаимоотношения главы государства и населения на уровне «отца» и «детей», наде-

¹ Программа «Рухани жаңғыру» — взгляд в будущее. Доступ: <https://official.satbayev.university/ru/university/roukhani-zhangyru-> (проверено 14.02.2022);

² Почему референдум не сохранил СССР? Доступ: <https://www.svoboda.org/a/27619351.html> (проверено 18.02.2022).

³ О Первом Президенте Республики Казахстан — Елбасы. Доступ: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000083_ (проверено 18.02.2022).

ляя при этом первыми особыми качествами. Так, при жизни Н.А. Назарбаева столица Казахстана Астана была переименована в его честь, став Нур-Султаном. То же касается и центральных улиц во всех крупных городах страны, а также школ, высших учебных заведений, спортивных комплексов и библиотек. На территории Казахстана в честь первого президента установили несколько памятников – в Алматы и Талдыкоргане¹. И наконец, в 2012 г. в честь Н.А. Назарбаева учредили персональный праздник – День первого президента – Елбасы, празднуемый ежегодно 1 декабря. А День столицы республики с 2006 г. отмечается в день рождения первого президента РК – 6 июля. Несмотря на события января 2022 г., публичный статус первого президента, сформированный за почти три десятилетия пребывания у власти, поддерживается, т.к. существует необходимость выстраивания преемственности государственного курса и политических институтов. Президент РК К.-Ж. Токаев сохраняет и тренд на обоснование длительной государственности и национальной идентичности: «наши предки жили здесь во времена Казахского ханства, в эпоху Золотой Орды, Тюркского каганата, гуннов, саков»².

Таким образом, все вышеперечисленное позволяет охарактеризовать природу политической власти в РК как «право одного субъекта проводить коллективную волю в отношении других субъектов»³, причем правомерность этого процесса обосновывается через апелляцию к национальному самосознанию, возрождая этнические формулировки, через реставрацию традиционных структур казахского общества, а также посредством политической мифологизации, доказывающей исключительные качества главы государства.

Разумеется, природа политической власти сказывается на институциональном контуре политической системы РК, влияя на сущность формальных институтов и содействуя появлению неформальных. Так, влияние традиционных структур на политику Казахстана вкупе с укреплением «титального» компонента, доминированием национального и кланового факторов в системе рекрутирования элиты, а также наделением главы государства как формальными (определены Конституцией РК), так и неформальными полномочиями привели к появлению неопатримониальных практик и неформальных институтов власти, выраженных в президенциализме, клиентелизме, клановом характере власти [Журавлев 2021], рентаориентированном поведении [Осинина 2021].

В итоге, современная политическая система Казахстана состоит из совокупности формальных и неформальных институтов власти, которые в свою очередь влияют на политический процесс и политическую систему страны в целом.

Список литературы

Журавлев Д.А. 2021. Клановая структура элит демократического общества. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 11. № 4. С. 43-49.

Красильников О.Ю. 2004. Институциональная карта и координаты экономического развития России. – *Экономический рост и вектор развития современной России* (под ред. К.А. Хубиева). М.: Изд-во МГУ; ТЕИС. С. 509-518.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование*.

¹ Культ личности Нурсултана Назарбаева не пережил январь 2022 года. Доступ: <https://mediazona.ca/article/2022/01/24/elbasu> (проверено 18.02.2022).

² Мифологизация как инструмент идентичности Казахстана. Доступ: https://news.rambler.ru/science/45853273/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (проверено 01.03.2022).

³ Природа политической власти. Доступ: <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/priroda-vlasti.html> (проверено 25.02.2022).

рование экономики (науч.ред. Б.З. Мильнер; пер. А.Н. Нестеренко). М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Осинина Д.Д. 2020. «Смена караула». *Кадровый резерв центральноазиатских элитных сообществ*. М.: Инфра-М. 224 с.

Осинина Д.Д. 2021. Элитные группы Республики Казахстан и особенности принятия стратегических политических и экономических решений в транзитный период. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 11. № 5. С. 101-105.

Хрусталева М. А. 2005. Этнополитическая ситуация в Центральной Азии. – *Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика*. М.: Навона. С. 61-62.

Шукуралиева Н. 2014. Национальные мифы и политическая практика в странах Центральной Азии. – *Studia Politologiczne*. Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa. Vol. 33. S. 298-318.

Levi M. 1990. 'A Logic of Institutional Change'. – *The Limits of Rationality* (ed. by K.S. Cook, M. Levi). Chicago: Chicago University Press. P. 402-418.

Smith A. 2009. *Kulturowe podstawy narodow*. Krakow. 265 p.

OSININA Daria Dmitrievna, postgraduate student at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; DDOsinina@fa.ru)

THE NATURE OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article analyzes the formation of political institutions of the Republic of Kazakhstan in the post-Soviet period. The author highlights the presence of formal and informal institutions of power, based on D. North's approach to the concept of institution. The article emphasizes that the formation of political institutions took place against the background of the search for the national and apparatus-state identity of the young independent republics, which significantly influenced this process.

Keywords: Republic of Kazakhstan, political institutions, political power, zhuzh, clan
